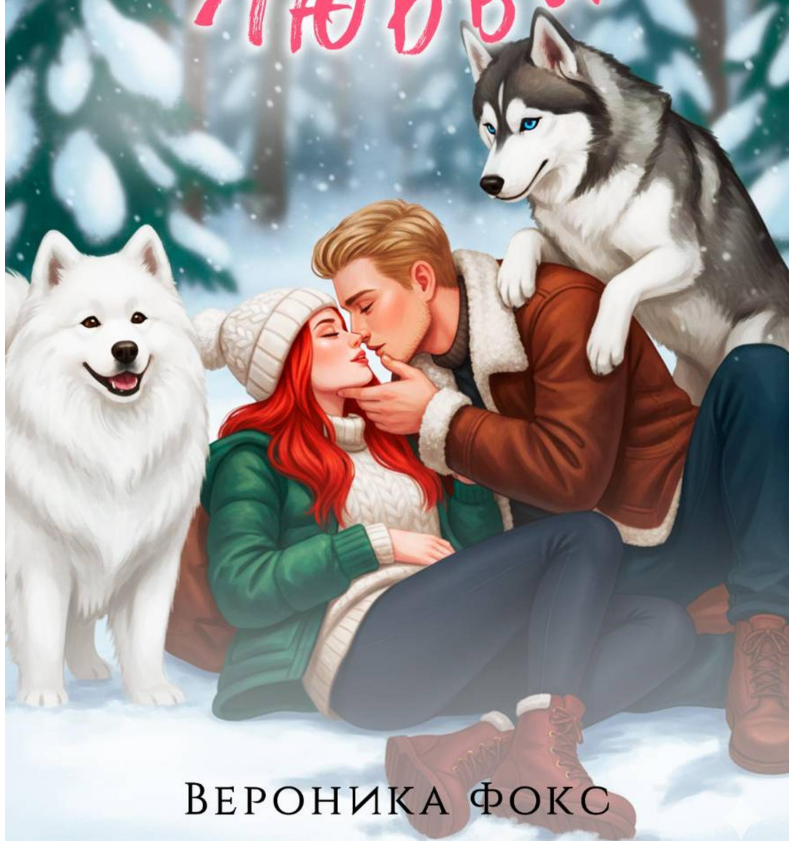

Десять Дней до нашей ЛЮБВИ

ВЕРОНИКА ФОКС

НОВОГОДНЯЯ РОМАНТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Вероника Фокс

Десять дней до нашей любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72859452

SelfPub; 2026

Аннотация

Ангелина и Виталий мечтали о тихом новогоднем уединении: за окном – метель, в комнате – камин, и никаких романтических осложнений. План был безупречен... пока четвероногие «соучастники» не взялись за дело. Спутанные поводки, десять дней вынужденного соседства и один праздник, который грозит стать самым неожиданным в их жизни. Кто сказал, что сердцу нужен мануал для создания сказки?

Содержание

Глава 1. Ангелина	4
Глава 2. Виталий	20
Глава 3. Ангелина	29
Глава 4. Виталий	42
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Десять дней до нашей любви

Глава 1. Ангелина

Первый вдох морозного воздуха – словно глоток ледяного игристого: жгучий, пронзительный, отрезвляющий. Именно то, что мне было нужно.

Я захлопнула дверцу машины, и мир мгновенно онемел. Шесть часов пути – и вот она, тишина: плотная, пушистая, глушащая всё, кроме скрипа снега под ногами.

– Айрис, тебе нравится?

Моя самоедская лайка ответила тихим фырканием, тыкась носом в мои зимние ботинки. В её глазах читалось безоговорочное счастье – больше не нужно терпеть тряску в салоне, вокруг царил живой мир: терпкий запах хвои, смолистый дух леса и пьянящий аромат свободы.

А я стояла, жадно вдыхая морозный воздух. Хотелось надышаться до самого дна, вытравить из памяти тот навязчивый, сладковатый шлейф духов – последний след неудачных отношений.

«Брось, Геля, это просто бизнес», – голос бывшего, мягкий, как шёлк, снова заскользил в сознании.

Нет. Бизнес – это когда честно говоришь: «Твои эскизы не

продаются». А не когда копируешь их, сдвигаешь две линии и презентуешь коллекцию инвесторам как свою – пока твоя девушка и партнёр лежит с температурой, свято веря, что дело в надёжных руках.

Я резко дёрнула за поводок, вырывая себя из водоворота воспоминаний.

– Пошли, булка. Нужно разобрать вещи.

База отдыха с питомцами «Северный Ветер» оказался именно таким, каким выглядел на фото: ряд аккуратных срубов под шапками снега, дымок из труб, гирлянды в виде сосулек. Это была картинка «идеального побега».

Мой план был прост: десять дней рисовать, гулять с Айрис, читать у камина и ни с кем не разговаривать. Особенно с мужчинами. Сердце, замотанное в колючую проволоку недоверия, просило только покоя.

Наш домик семь оказался крайним, у самого леса. Я уже рылась в сумке в поисках ключа, который взяла на проходной базы отдыха, как Айрис вдруг напряглась и тихо, почти по-волчьи, заурчала.

– Что там? – прошептала я, невольно замедляя движения. Её уши встали торчком. Айрис напряглась, едва ли заметно виляя хвостиком.

Я подняла глаза и увидела их.

У соседнего, восьмого домика стоял мужчина с крупным серо-белого цвета хаски, с глазами, которые, кажется, могли прожечь дыру в моей решимости.

Пёс – красавец.

Хозяин – воплощение моего сегодняшнего девиза: «Держаться подальше».

Мужчина был высоким, статным, в тёмной парке, и двигался он так, будто каждое движение просчитано и одобрено комиссией по экономии энергии. Ни одного лишнего жеста. Чисто женское любопытство заставило меня попытаться разглядеть его лицо. Ровный нос, высокие скулы, тонкие губы и едва ли заметная щетина на лице.

Красавец, что уж тут скажешь.

Он что-то сказал псу. Тот послушно улёгся, словно знает: его хозяин не терпит возражений.

Я тихо фыркнула.

Ну конечно. Именно такой тип мужчин неизменно оказывается поблизости, когда я, устав от суеты, решаю: «Всё, хватит. Хочу тишины. Хочу просто пожить».

Высокий. Сдержанный. С этим... особенным взглядом – будто он давно изучил все правила мира и теперь наблюдает за остальными с лёгкой снисходительностью. «Я знаю, что хорош – и ты это тоже поймёшь», – читалось в его позе, в том, как он неторопливо доставал из багажника пакеты с едой, спортивную сумку и пакет корма для собаки.

Идеальный кандидат для моего личного списка «Кого избегать в первую очередь».

Айрис потянула поводок – энергично, настойчиво. Её хвост ходил ходуном, а глаза светились таким неподдельным

восторгом, что я без труда расшифровала её безмолвное послание: «Ну что, идём знакомиться? Он классный! Его пёс тоже! Давай уже!»

– Нет, Айрис, – вздохнула я, мягко натягивая поводок. – Я хочу держаться подальше от таких типов. От этих... безупречно-спокойных, всё-понимающих, всё-контролирующих. От них всегда одни сложности.

Айрис ответила возмущённым вздохом, завершившимся коротким фырканьем – почти как у меня, только громче и убедительнее.

Я ещё раз взглянула на крыльцо. Хаски лежал там, невозмутимый, как северный идол, но стоило ему заметить мою Айрис – уши тут же поднялись, взгляд стал внимательным, живым. Моя пушистая непоседа тихо заскулила, будто пыталась передать ему какое-то тайное собачье послание.

Сердце ёкнуло. Не от него – конечно, нет! – а от этой нелепой, почти детской радости в глазах Айрис.

Я рывком распахнула дверь домика, натянув поводок так, что Айрис едва не подпрыгнула на месте.

– Давай-давай, Айрис, пойдём в дом! Нам ещё вещи разбирать, – зашептала я, упираясь ногой в крыльцо и изо всех сил подтягивая собаку к проёму.

Айрис ответила классическим «самоедским протестом». Она замерла: лапы широко расставлены, мышцы напряжены, хвост недвижим. Взгляд – ледяная смесь недоумения и высокомерного осуждения: «Ты действительно думаешь, что

это сработает?»

Я потянула сильнее. Айрис слегка подскользнулась на мокром снегу, но тут же восстановила равновесие, будто горный козёл на скале. Её шерсть, пушистая и густая, вздыбилась от усилий – теперь она выглядела как белый шар с упрямым лицом.

– Ну пожалуйста, – взмолилась я, меняя тактику. – Мы же замёрзнем тут...

В ответ – ни малейшего движения. Только нос чуть дрогнул, улавливая запахи: хвойный дух леса, дым из трубы соседнего домика, а главное – его запах. Запах того голубоглазого хаски, который сейчас сидел на крыльце напротив и с любопытством наблюдал за нашим противостоянием.

Я сделала ещё одну попытку – на этот раз потянула плавно, почти ласково. Айрис медленно повернула голову, посмотрела на меня, затем на тёплый проём двери, затем снова на хаски... И вдруг – о чудо! – сделала шаг вперёд.

Я едва не вскрикнула от радости, но тут же прикусила язык: Айрис не шла в дом – она просто сменила позицию. Теперь она стояла боком к двери, одна лапа на пороге, вторая – на крыльце, будто решала сложную геометрическую задачу: «Вредничать сегодня или нет?»

С соседнего крыльца донёсся тихий, протяжный вой. Хаски сидел, задрав морду к серому небу, и выводил мелодичную трель, не сводя глаз с моей Айрис.

Его хозяин медленно обернулся. Наши взгляды встретились.

лись.

На долю секунды повисла пауза, в которой читалось безмолвное взаимопонимание:

«Я не хочу знакомиться».

«Я тоже».

Мужчина коротко кивнул – почти незаметно – и отвернулся, делая вид, что его крайне интересуется содержимое сумки с кормом. Я же, стараясь не выдать облегчения, перехватила поводок поудобнее.

– Айрис, – прошептала я, наклоняясь к её уху. – Ну пожалуйста. Всего один шаг.

Она повернула голову, посмотрела на меня долгим взглядом – таким, каким смотрят только самоеды: одновременно мудрым и совершенно бессовестным. Потом вздохнула, будто сдаваясь перед неизбежностью, и наконец-то переступила порог.

Я с облегчением потянула дверь на себя, но не тут-то было: Айрис уже развернулась и прильнула к стеклу, прижав нос к окну. Её глаза горели восторгом – там, снаружи, хаски всё ещё сидел на крыльце и смотрел на неё с нескрываемым интересом.

– Ну вот, – вздохнула я, наблюдая, как моя собака превращается в живое воплощение «хочу-но-нельзя». – Начинается...

Айрис тихонечко заскулила, пока я раздевалась и клала сумку на стол.

Я замерла на пороге, переводя дух.

Прямо у входа, на прорезиненном коврике с весёлыми оленями, стояли две керамические миски – одна для воды, другая для еды. Чистые, блестящие, с аккуратными ручками.

На столике под зеркалом – свёрток в крафтовой бумаге, перевязанный бечёвкой. «С Новым годом, хвостатому гостю!» – гласила надпись, выведенная от руки тёплым коричневым шрифтом. Рядом – пакетик с лакомствами (я пригляделась: натуральные сушёные кусочки говядины) и новая игрушка – плюшевая снежинка с мягким колокольчиком внутри.

Я тронула её пальцем. Ткань была мягкой, чуть ворсистой, а колокольчик отозвался тихим, почти неслышным звоном.

Этот жест – крошечный, бескорыстный – вдруг ударил сильнее, чем я ожидала. После месяцев холодного расчёта, после того как чья-то рука спокойно перечеркнула годы дружбы и труда, эта простая забота казалась почти нереальной. Как будто кто-то невидимый сказал:

«Ты в безопасности. Ты и твоя собака – вам здесь рады».

В горле встал комок. Я сглотнула, пытаясь унять странное ощущение – будто изнутри что-то оттаивает, слой за слоем.

– Ну вот мы и дома, девочка, – сказала я, наконец отпуская поводок.

Айрис по-прежнему прижималась носом к стеклу большого окна, разглядывая заснеженный двор. Её хвост ходил ходуном, а уши подрагивали от любопытства, будто она счи-

тывала тайные послания в узорах инея на стекле.

Потом, обнюхав порог с тщательностью следователя на месте преступления, она прошествовала внутрь – неторопливо, с видом королевы, инспектирующей новые апартаменты. Остановилась у миски с водой, лизнула, сморщила нос, словно оценивала минеральный состав, и лишь затем признала пригодной для употребления. Нос её тут же устремился к плюшевой снежинке – толкнула, прислушалась к звонкому «дзинь» колокольчика, удовлетворённо хмыкнула и, сделав три торжественных круга, устроилась на прямоугольной лежанке у небольшой, но уже растопленной печки-буржуйки.

Я огляделась. Всё здесь было продумано до мелочей: тёплые деревянные стены, от которых веяло смолистым спокойствием; мягкий плед на диване, небрежно перекинутый через подлокотник, будто кто-то только что поднялся и вот-вот вернётся; гирлянда из шишек над каминной полкой, создающая уют без капли вычурности. Здесь не было ничего лишнего – только то, что нужно, чтобы дышать

– Сиди тут, булка. Я быстро принесу сумки, – прошептала я, бросив на неё строгий взгляд.

Айрис ответила мне вилянием хвоста по полу – плавное, почти ленивое движение, явно намекающее, что у неё и мыслей никаких плохих нет. Слишком уж она была спокойна. Слишком... подозрительно спокойна.

Обманутая этой иллюзией безмятежности, я вышла, при-

творив дверь.

Вещей у меня было немного: один чемодан с одеждой, термос, дорожная сумка с ноутбуком и блокнотами, пакет с собачьими принадлежностями. Три ходки от машины до порога – и всё моё скромное имущество перекочевало в прихожую, образовав небольшую кучку у двери.

Я уже мысленно распределяла, куда что положить: ноутбук на столик у окна, блокноты – на полку, одежду – в шкаф... Когда, подходя к двери в последний раз, чтобы закрыть её как следует, услышала за спиной лёгкий шорох – едва уловимый, но от этого ещё более тревожный. А следом – цокот когтей по утрамбованному снегу.

– Айрис?!

Я обернулась – как раз вовремя, чтобы увидеть белую молнию, метнувшуюся из приоткрытой двери. Всего доля секунды и Айрис выбежала на улицу.

Моё «облако» несло – распушив хвост, как парус, – через чистый, нетронутый снег, оставляя за собой вихрь снежинок, напрямик к соседнему домику.

– АЙРИС! СТОЯТЬ! – крикнула я, бросаясь вдогонку.

Снег захрустел под ботинками, холодный воздух резанул лёгкие. Я бежала, проваливаясь в сугробы..

Но Айрис, конечно, не остановилась. В её мире запрещающие команды существовали лишь как фоновый шум – приятный аккомпанемент к более интересным событиям. Она неслась, будто за ней гналась сама зима, будто этот двор, этот

снег, этот хаски были частью какого-то ее проказнического плана.

Я замерла на мгновение, увидев, как мужчина резко выпрямился – мой крик и дробный топот лап достигли его уха. Он обернулся, и в эту долю секунды на его неизменно спокойном лице промелькнуло нечто неожиданное: изумление, едва прикрытое лёгкой паникой.

Айрис, не сбавляя хода, вихрем подлетела к хаски. Похоже, она вознамерилась немедленно излить на него весь свой восторг. С размаху плюхнулась в снег, почти склонившись в шутовском поклоне, безудержно виляя хвостом. А потом, не дав псу и мгновения на размышление, решительно ткнулась носом в его бок.

Огромный хаски отшатнулся – без рычания, но с тем особенным недоумением, какое бывает у аристократа, к которому внезапно пристаёт уличный артист. И в тот же миг Айрис, восприняв это как сигнал к началу игры, лихо развернулась на месте и пустилась кружить – вокруг застывшего в изумлении мужчины и слегка ошарашенного хаски, словно рисуя невидимый хоровод из веселья и безудержной энергии.

– Извините! – выкрикнула я, на бегу пытаюсь совладать с дыханием. – Простите, господи... Айрис!

Мужчина не произнёс ни слова. Он лишь переводил взгляд с меня на белоснежный вихрь, безудержно кружащий у его ног. Казалось, его разум, отлаженный как точный механизм, вдруг столкнулся с потоком хаотичной энергии и

теперь тщетно пытался найти алгоритм для её обработки. Вблизи черты его лица выглядели ещё более измождёнными: глубокие тени под глазами словно хранили отголоски бессонных ночей или груз невысказанных тревог.

– Я... сейчас её поймаю, – пролепетала я, отчаянно пытаясь ухватить скользкий нейлоновый поводок, который Айрис волокла за собой, словно праздничный серпантин.

– Север, сидеть, – прозвучал рядом его голос – низкий, твёрдый, вновь обретший власть над ситуацией.

Хаски подчинился мгновенно, хотя в его взгляде читалось явное сожаление. Он уселся, не отрывая глаз от моей неугомонной собаки. Айрис, заметив, что объект её восторженного внимания принял статичную позу, постепенно сбавила темп. Подойдя вплотную, она осторожно обнюхала ухо Севера. Пёс лишь тихо вздохнул, позволив ей эту вольность.

Я наконец сумела схватить конец поводка и осторожно, но решительно притянула Айрис к себе. Её хвост всё ещё нервно подрагивал, а глаза горели неутолённой жадой приключений, но теперь она хотя бы стояла рядом, а не носилась вокруг незнакомца, словно маленький снежный ураган.

– Простите за беспокойство, – выдохнула я, чувствуя, как горят щёки. – Дверь не закрыла, вот и результат.

Он смотрел на нас. В его глазах, тёмных и внимательных, мелькнуло что-то – не раздражение, а скорее усталое принятие неизбежного.

Моя собака изображала невинность: стояла, слегка скло-

нив голову, свесив розовый язык и расточая взгляд, полный наигранного раскаяния. Если бы не подрагивающий хвост, можно было бы поверить в её ангельскую природу.

– У вас очень энергичная собака, – добавил он, и в его голосе мне почудилась едва уловимая улыбка.

– О, да, – я невольно усмехнулась, на этот раз с лёгкой горечью. – Это, пожалуй, самая точная её характеристика. Из всех возможных. Ещё раз извините за... всё это.

Я потянула Айрис к себе, но она, будто налитая свинцом, не двигалась с места, уставившись на хаски. Тот, в свою очередь, сделал крошечный, почти невидимый шаг навстречу. Поводки наши натянулись.

Неловкость висела в воздухе густым туманом. Нужно было что-то сказать, чтобы разрядить ситуацию.

– А у вас хаски, да? – выдавила я первое, что пришло в голову.

– Да, – коротко кивнул он. Пауза. Затем, словно спохватившись, взгляд его скользнул к Айрис: – Самоед?

– Ага, – улыбнулась я, невольно гордясь своей непоседой, даже несмотря на её непослушание. – А ваш... очень солидный. Внушает уважение.

Господи. Что я несу?

– Север, – представил он пса, будто вручал визитную карточку: строго, официально, без тени улыбки.

Север лишь едва мотнул головой, не отрывая ледяных, пронзительных глаз от моей «красавицы». В его взгляде

читалось нечто среднее между снисходительным любопытством и настороженной оценкой.

Айрис, разумеется, истолковала это как безоговорочное приглашение к знакомству. Её хвост заработал с удвоенной энергией, взбивая снежную пыль, а сама она приплясывала на месте, вытягивая шею и порывисто втягивая воздух – явно прикидывала, с какого бока лучше начать обнюхивание.

– Айрис, – поспешила я назвать её, одновременно пытаюсь слегка одёрнуть поводок.

Бесполезно.

В воздухе повисла странная тишина, насыщенная невысказанными словами и собачьим неповиновением. Время словно замедлило ход: снежинки неспешно кружились, а между нами – мной, ним и двумя собаками – протянулись невидимые нити неловкости и любопытства.

Я поймала себя на том, что невольно разглядываю его: сдержанные, почти геометрические движения; чёткий, словно выточенный профиль; едва заметную складку между бровей, что появляется у людей, привыкших держать эмоции под контролем.

В нём чувствовалась какая-то внутренняя дисциплина, будто каждый жест, каждое слово проходили через невидимый фильтр прежде, чем выйти наружу.

Он первым нарушил молчание – но обратился не ко мне, а к своему псу. Голос, всё тот же низкий баритон, приобрёл новые, стальные нотки – как лезвие, которое внезапно выну-

ли из ножен.

– Север. Ко мне.

Хаски на секунду замер, его уши дрогнули. Он бросил последний, почти тоскливый взгляд на Айрис, которая тут же приуныла, уловив перемену в атмосфере, и медленно, нехотя, но безукоризненно развернулся и сделал шаг к ноге хозяина.

Я почувствовала жгучее смущение. Его собака слушалась с полувзгляда, а моя будто и не слышала меня вовсе, увлекшись новым знакомством. Эта маленькая сцена обнажила пропасть между нашими мирами – его упорядоченным и моим, вечно пляшущим под дудку белого хаоса.

– Виктор, – нехотя выдал он своё имя, словно это была конфиденциальная информация, которую пришлось раскрыть из вежливости.

– Ангелина, – автоматически откликнулась я, всё ещё пытаюсь совладать с Айрис, которая теперь смотрела на меня с неммым укором.

– Удачи, – бросил он сухо, но не грубо. Просто констатация. И, не дожидаясь ответа, развернулся и пошёл к своему крыльцу, который, как я теперь заметила, стоял не в ряд с моим, а чуть в глубине, за высокой елью.

Север шёл рядом, не оборачиваясь.

– И вам, – пробормотала я в спину, наконец-то сумев сдвинуть Айрис с места и почти бегом направившись к своему домику.

Захлопнув дверь, я прислонилась к ней спиной, переводя дух. В ушах ещё звенела его команда – такая чёткая, не терпящая возражений.

«Север. Ко мне.»

И мое собственное беспомощное бормотание.

– Ну вот, спасибо, – сказала я Айрис, которая уже мирно обнюхивала свою новую лежанку, будто и не устраивала только что мини-спектакль. – Отличное начало. Теперь он точно будет обходить нас за километр.

Я подошла к окну, отодвинула край занавески. Он уже заносил последнюю коробку в свой дом. Действовал экономично, без суеты.

Человек-план. Человек-расписание.

Именно такой сосед мне и был нужен. Тот, который не захочет ни с кем общаться. Особенно с той, чья собака не слушается.

Так почему же, глядя на его прямую, не гнущуюся спину, я чувствовала не облегчение, а лёгкий, назойливый укол досады? И почему эта досада была такой... живой?

Я отпустила занавеску.

Всё в порядке. Он получил своё подтверждение, что я – помеха, а я – своё, что он не ищет контакта. Мы могли десять дней игнорировать друг друга, и это было бы идеально.

Если бы не этот червячок любопытства, начавший точить ледышку моего равнодушия. Червячок по имени:

«А что, если бы Айрис меня всё-таки послушалась? Как

бы тогда выглядел этот разговор?».

Глава 2. Виталий

Дверь закрылась, оставив снаружи мороз, пушистого урагана самоеда и хозяйку. А еще её смущённую, немного виноватую улыбку. Я прислонился лбом к прохладному стеклу окна, выдыхая, чтобы растопить маленький инейный круг.

«Ангелина».

Её имя пульсировало в голове, словно отбивало такт моему неровному дыханию. Я пытался собраться с мыслями, унять странное волнение, но каждое усилие лишь крепче впечатывало это имя в сознание.

Я оттолкнулся от окна и с механическим упорством принялся распаковывать коробки. Каждой вещи – своё место, чёткий порядок, не терпящий возражений. Ноутбук занял позицию на строгом деревянном столе у окна. Папка с чертежами легла слева – под правую руку, как и положено. Книги выстроились на полке над камином, корешки вровень, словно солдаты на параде.

Этот распорядок, ясный и чистый, как девственный лист ватмана, стал моим спасательным кругом ровно год назад. С того самого дня, когда моя прежняя жизнь разлетелась на осколки, словно брошенный на пол хрустальный шар. С того момента, как я сделал «правильный» выбор – и теперь нёс эту правильность, как тяжёлый, неудобный, но якобы заслуженный камень на шее. Каждый день. Каждый час.

В воздухе плавал тонкий аромат дерева и свежести – запах нового начала, стерильной чистоты, которой так легко прикрыть пустоту. Я почти позволил себе расслабиться, почти поверил, что всё в порядке, что эта упорядоченная тишина – и есть моя новая реальность.

И тут в этой хрустальной тишине прозвучала она – знакомая мелодия, от которой внутри всё сжалось.

Тревожная, полная невысказанной заботы.

«Батя».

– Алло, батя, – сказал я, старательно выравнивая голос, придавая ему бодрые, почти беспечные нотки. – Как ты?

– Ты забыл мне позвонить... – в его голосе не было упрёка, только тихая, почти невесомая обида.

Я зажмурил глаза, сжал пальцами переносицу, словно пытаюсь выдавить из себя нужное, правильное слово.

– Прости, батя. Замотался. Доехал отлично. Место хорошее. Тишина.

– Это главное, сынок, тишина, – отозвался он. Его голос, ещё недавно такой мощный, раскатистый, теперь звучал тонко, будто потрёпанная по краям ткань. Инсульт – «микро», как успокаивали врачи, – украл у него часть былой силы и всю беззаботность. Теперь он жил в состоянии перманентной осторожности, и я вместе с ним. – Ты уж отдыхай там, правда. Не работай. Ты себя совсем загоняешь.

«Не работай». Легко сказать. Работа – это единственное, что не требовало объяснений и не предавало. Архитектура

молчала, принимала любую форму, которую я ей придавал, и не задавала болезненных вопросов. В ней не было ни упрёков, ни тревог, ни этой вязкой, разъедающей вины, которая оседала на плечах каждый раз, когда я слышал его ослабленный голос.

– Обязательно отдохну, – солгал я гладко, почти не загнувшись. – Как сам? Давление мерил?

– Да, да, – поспешил он ответить, будто боялся, что я начну настаивать. – Всё в норме. Чуть повыше обычного, но доктор сказал – это нормально при смене погоды.

Я невольно сжал телефон в руке. «Чуть повыше» – это сколько? 140? 150? А если 160? Почему он никогда не называет точные цифры?

– А таблетки принял? – спросил я, стараясь, чтобы вопрос прозвучал буднично, без навязчивой тревоги.

– Конечно, сынок, конечно. Всё по расписанию. Не переживай за меня.

«Не переживай». Как будто это так просто. Как будто можно просто взять и перестать прокручивать в голове бесконечные сценарии: «а если вдруг...», «а что, если...».

Пока он подробно, с цифрами и оговорками – «давление утром 135/85, вечером 140/90, пульс в норме, таблетки принимаю строго по расписанию, а вот сон... сон, знаешь, не очень» – отчитывался о своём состоянии за последние сутки, я смотрел в окно на заснеженные ели. Внутри всё сжималось знакомой, тугой пружиной вины. Вины за то, что я здесь, а он

там. Вины за то, что год назад, когда Лена получила тот контракт в Милане, я даже не смог всерьёз обсуждать переезд.

Папа только-только начал выкарабкиваться после больницы, он был как ребёнок – беспомощный и напуганный. Каждый его шаг требовал внимания: то забывал, где лежат очки, то не мог вспомнить, выпил ли лекарство. Я представлял, как он сидит один в той квартире, прислушивается к своему сердцу, а рядом никого...

«Я не могу его бросить», – сказал я ей тогда.

«А меня можешь?» – спросила она.

И я... отпустил. Разбил два сердца вместо одного. Её – прямым текстом. Своё – молча, изо дня в день.

– ...а Леночка на той неделе звонила, – вдруг прозвучало в трубке, выдергивая меня из тягучей трясины воспоминаний.

Леночка. От этого уменьшительно-ласкательного у меня похолодело в груди. Папа всегда так её называл – с тёплой, почти отеческой нежностью. Как будто она не взрослая женщина, уехавшая за три тысячи километров, а по-прежнему его маленькая «Леночка», которую он учил кататься на велосипеде, когда мы были детьми.

– Пап, не надо, – произнёс я тише, но твёрже, чем планировал. – Мы не общаемся. И... не надо об этом.

– Да-да, конечно, – поспешно согласился он, и я почти физически ощутил, как он спохватился, испугался, что задел меня. – Я просто... просто подумал, может, ты захочешь знать. Она спрашивала про тебя.

Я сжал телефон так, что костяшки пальцев побелели.

– Папа, хватит, – мягко, но твёрдо прервал я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – У неё своя жизнь в Италии. У меня – здесь. Всё в порядке, правда. Ты главное – за собой следи. Таблетки пей регулярно, ладно? Я на днях позвоню, проверю, как ты.

Он что-то ещё бормотал в ответ; я уловил знакомое ворчливое «да знаю я, знаю», но не стал настаивать. Мы попросились, и я опустил телефон, чувствуя усталость, непропорциональную короткому разговору.

Лена. Она словно призрак, которого отец, сам того не желая, вызвал из небытия. Красивая, амбициозная, живая.

И теперь каждый раз, когда о ней вспоминали, я спрашивал себя: а было ли это подвигом? Или просто трусостью, прикрытой красивыми словами о долге?

Я провёл ладонью по лицу, пытаюсь отогнать наваждение. Надо сосредоточиться. На отце. На его давлении. На том, как он сегодня говорил – чуть хриловато, будто задыхался на полуслове.

Я представил, как он сидит там, в своей квартире, с таблетницей на столе и уговаривает себя принять лекарство «просто потому, что сын велел».

«Всё под контролем, – повторил я про себя, словно мантру. – Ты всё контролируешь. С ним всё будет хорошо».

Резкий вздох прервал мои мысли. Север, обычно невозмутимый, стоял у того же окна, куда я смотрел минуту на-

зад. Хвост его медленно, но ритмично вилял, метя пол снежной пылью с шерсти. А из горла вырывалось тихое, тонкое подвывание – звук, который он издавал, только когда видел что-то невероятно интересное или... живое. В его мире, судя по всему, это было синонимами.

– Что там, а? – пробормотал я, подходя.

За соседним домом, на крохотной заснеженной полянке, кружилась Ангелина.

Она выглядела словно персонаж из зимней сказки: белоснежный пуховик, смешная шапка с пушистым помпоном, а в руках – длинная светящаяся на солнце штуковина. То ли гирлянда, то ли дразнилка для кота. Её самоед, похожий на живое белое облако, носился вокруг, пытаясь схватить сверкающий кончик. Время от времени пёс с разбегу врезался в ноги хозяйки, заставляя её покачиваться, но она лишь смеялась и продолжала своё причудливое действие.

Я невольно улыбнулся. Уголки губ дрогнули, будто жили собственной жизнью, вопреки моему обычному хладнокровию.

Ангелина пыталась устроить фотосессию. Это было очевидно по её движениям: пошатываясь после очередного столкновения с четвероногим «облаком», она тыкалась в телефон, затем высоко поднимала его, отчаянно пытаясь поймать удачный ракурс. А самоед то радостно прыгал на неё, полностью закрывая собой кадр, то внезапно терял интерес к игре и с азартом начинал рыть яму в сугробе, осыпая хо-

зайку снежной пылью.

Но она не злилась. Она смеялась – искренне, заразительно. Я видел, как её плечи содрогались от смеха. Даже сквозь стекло и разделявшее нас расстояние я ощущал эту беззвучную, но осязаемую вибрацию радости.

А потом она упала на спину в снег, широко раскинув руки. Самоед мгновенно воспользовался моментом – бросился к ней и принялся усердно облизывать лицо.

Эта сцена – абсурдная, лёгкая, полная собачьего счастья – вдруг показалась мне одновременно чужой и невероятно притягательной. В ней было что-то первозданное, настоящее: ни тени притворства, ни намёка на расчёт. Только чистый, незамутнённый восторг бытия. И от этого зрелища внутри что-то дрогнуло, будто тонкая льдинка, треснувшая под тёплым лучом.

В этот миг она случайно повернула голову в сторону моего окна. Я отпрянул – словно школьник, застигнутый за подглядыванием. Глупо, конечно: в тёмном стекле она вряд ли могла разглядеть меня. Но ощущение было странным, почти виноватым – будто я нарушил негласное правило, вторгся в чужое приватное пространство.

Я заставил себя отвернуться.

– Север, хватит. Нечего глазеть.

Но сам, не в силах устоять, украдкой бросил ещё один взгляд.

Она уже поднялась, отряхивая снег. Что-то говорила сво-

ей собаке, грозя пальцем, а потом взяла её за морду и слегка потрясла – явно выговаривала за проказы. Снег искрился в её волосах, выбившихся из-под шапки. Они были цвета тёмного мёда, и даже отсюда, сквозь стекло, казалось, в них плясали солнечные блики. Щёки пылали румянцем, глаза сияли – и не только от мороза, но и от неудержимого смеха.

Она была... живой. По-настоящему живой. И красивой. Я это заметил сразу же, когда она, неуклюже подбежала ко мне. В ней было что-то хаотичное, нелепой и смешной – одновременно. И оттого, это казалось мне жутко пьянящей...

Я резко оборвал мысль. Что я делаю? Зачем разглядываю соседку, пусть даже у неё самый искренний смех и самая неугомонная собака?

Я приехал сюда не за этим. Я приехал, чтобы привести в порядок мысли.

Чтобы работать.

Чтобы перестать чувствовать.

– Всё, – произнёс я вслух, скорее для себя, чем для Севера. – Поработаем.

Усевшись за стол, я раскрыл ноутбук и запустил чертёжную программу. На экране возникли чёткие, строгие линии небоскрёба, над которым я корпел уже месяц. «Башня „Согласие“». Ирония названия не ускользнула от меня.

Я погрузился в расчёты нагрузок, изо всех сил стараясь вытеснить из сознания картину с полянки: она падает в снег, смеётся, а самоед лижет ей лицо.

Но краем глаза я всё равно замечал, как Север, тяжело вздохнув, улёгся на коврик у двери, не отрывая взгляда от окна. И его хвост ещё долго, даже во сне, подрагивал, выбивая тихий, тоскливый ритм по полу.

Этот ритм отчего-то отзывался эхом в моей груди – глухим, настойчивым отголоском, который не могли заглушить ни стук клавиш, ни сухие, безжизненные строки цифр на экране.

Глава 3. Ангелина

Я долго не могла уснуть на новом месте. Ворочалась, взбивала подушку, то откидывала одеяло, то натягивала его до носа. Глаза упорно не желали закрываться, а мерный треск дров в камине только раздражал.

Наверное, зря я сюда приехала. Рядом мирно сопела Айрис. Ей, как и мне, было непривычно в незнакомой постели – сон её оставался тревожным, прерывистым. Казалось, треск камина и свежий морозный воздух должны успокаивать, но в груди нарастала непонятная тяжесть.

Я поднялась с кровати. Прохладный пол коснулся босых ступней. Айрис тут же приоткрыла глаза и внимательно посмотрела на меня.

– Тоже не спится? – тихо спросила я.

Собака едва заметно наклонила голову. Я тихо вздохнула:

– Мне тоже.

Подойдя к окну, я уставилась на заснеженный вечерний пейзаж. И вдруг заметила вдалеке мужской силуэт – он стоял неподвижно почти у самого края территории санатория. Снег оседал на его плечах, руки были глубоко засунуты в карманы куртки.

Я жадно всматривалась в его силуэт, словно в нём таились ответы на все мои вопросы. Он казался... удивительно спокойным и умиротворённым. Я не видела его лица, но отчетливо

го-то была уверена: он, как и я, пришёл сюда в поисках тишины – в этот отдалённый уголок мира, где можно наконец перевести дух и обрести равновесие.

Через какое-то мгновение к нему подбежал его хаски, прямо выныривая из ближайших сугробов. Мужчина ласково потрепал собаку за ушком и они вместе пошли к своему дому. Мне пришлось отойти от окна, чтобы он меня не заметил.

На следующий день ровно в одиннадцать утра я, как и положено ответственной хозяйке, пришла на большую поляну у корпуса. Здесь по расписанию собирались владельцы с собаками – сегодня обещали целую программу развлечений для четвероногих гостей и их спутников.

Санаторий, оказывается, не просто место для уединённого отдыха. Для собак тут устроили настоящий зимний фестиваль: полоса препятствий с тоннелями и барьерами, конкурс на самый оригинальный новогодний наряд, даже специальная фотозона с ёлочкой и пряничными домиками. Для хозяев – мастер-классы по уходу за питомцами, лекции о собачьей психологии и чаепития у камина с обсуждением любимых пород.

В воздухе витала весёлая предновогодняя неразбериха. Лай смешивался со смехом, команды тонули в общем гаме – собаки явно не собирались подчиняться, предпочитая знакомиться, играть и требовать внимания. Айрис, разумеется,

тут же оказалась в центре событий: виляла хвостом каждому встречному псу, принимала знаки внимания как должное и с достоинством несла звание самой обаятельной собаки на поляне.

Я держалась в стороне и с улыбкой наблюдала за этим шумным, но таким безобидным зрелищем. Вдыхала морозный воздух, пропитанный запахами хвои и горячего чая из полевой кухни, слушала весёлый гомон и чувствовала, как внутри понемногу тает напряжение вчерашнего вечера. Почти удалось полностью раствориться в этой уютной суете – пока мой взгляд неожиданно не наткнулся на него.

Виталий стоял под огромной заснеженной елью, в стороне от основной толпы. Он был одет во всё тёмное, и на этом фоне его пёс Север казался неземным, графическим существом – словно вырезанным из чёрного силуэта на фоне ослепительно-белого снега.

Север сидел безупречно прямо, как на параде: спина ровная, взгляд сосредоточенный, уши настороженно приподняты. Лишь изредка он поворачивал голову, следя за суетой на поляне, но ни на миг не терял выдержки. Ни лай, ни беготня других собак, ни звонкие команды хозяев – ничто не могло вывести его из состояния почти медитативного спокойствия.

Его хозяин скрестил руки на груди, и вся его поза недвусмысленно заявляла: «Я присутствую на мероприятии, но душой – где-то в другом месте». В отличие от остальных владельцев, которые с энтузиазмом участвовали в конкурсах,

фотографировались с питомцами у праздничной фотозоны или оживлённо обсуждали собачьи повадки у полевой кухни, Виталий словно оградил себя невидимым кругом.

Я невольно залюбовалась этой парой. В их сдержанности, в этой почти театральной статичности было что-то завораживающее. Остальные собаки носились между тоннелями полосы препятствий, прыгали через барьеры, позировали в новогодних нарядах – а Север и его хозяин оставались островком тишины посреди весёлого хаоса.

«Ну вот, – подумала я с досадной горечью. – Даже в толпе он умудряется создать вокруг себя вакуум. Очень странный мужчина».

Айрис тем временем, закончив обходной манёвр, тоже заметила их. Её уши наострились, хвост замер в позиции «высокое напряжение» – верный признак, что в её пушистой голове уже созрел очередной авантюрный план. Я почувствовала знакомое подёргивание поводка и инстинктивно сжалась.

– Нет, моя хорошая, нет, – зашептала я предостерегающе, натягивая поводок. – Мы не идём туда. Мы идём... вон к тому добродушному лабрадору. Смотри, какой он милый!

Но было уже поздно. В глазах Айрис вспыхнул недвусмысленный огонёк решимости. Она припала к земле, словно готовясь к прыжку, а потом рванула с такой силой, что скользкая петля поводка мгновенно вырвалась из моих пальцев.

– Айрис! – вскрикнула я, бросаясь следом.

Моё облако помчалось, не разбирая пути, сметая на своём ходу маленького шпица и вызывая недоумённый лай таксы. Айрис неслась прямо к Северу, описывая вокруг него широкие, ликующие круги.

И тут случилось невероятное.

Север вдруг встал. Не резко, но очень решительно. Он потянул носом воздух, его голубые глаза, всегда такие отстранённые, сузились, сосредоточившись на белом вихре. Он сделал шаг. Ещё один.

Виталий, явно не ожидавший такого предательства от своего идеального пса, автоматически ослабил поводок.

– Север, – прозвучало его предупреждение, но в нём уже не было холодного расчета. Интонация, на удивление, смягчилась.

А дальше всё произошло с кинематографической скоростью и нелепостью. Айрис, решив, что её пригласили поиграть сделала ещё один виток – на этот раз вокруг нас обоих. Я инстинктивно рванулась вперёд, пытаясь схватить поводок, и на мгновение мне даже показалось, что я успела. Но было поздно: длинный нейлоновый шнур обвил мои ноги по щиколотку. В тот же миг Север, следуя за ней, обошёл Виталия, и его поводок, натягиваясь, захлестнул ноги хозяина.

Мы стояли в двух шагах друг от друга, опутанные поводками. Собаки, довольные собой, продолжали кружить, затягивая петли, будто водили вокруг нас какой-то древний, только им понятный хоровод.

Наши взгляды встретились.

В его глазах я прочитала панику, раздражение и полную беспомощность перед лицом собачьего произвола. А ещё – что-то неуловимое, от чего внутри всё странно сжалось.

Щеки предательски запылали.

– Я... – начала я, нервно сжимая в руке бесполезный конец поводка.

– Опять вы... – одновременно начал он, пытаясь сделать шаг и тут же запутавшись ещё сильнее.

Повисла неловкая пауза. Я чувствовала, как пульсирует кровь в висках, а сердце стучит где-то в горле. Запах его парфюма – свежий, с лёгкой ноткой цитруса – неожиданно оказался слишком близким. Слишком осязаемым.

– Наверное, нужно... – я запнулась, пытаюсь сообразить, с какой стороны лучше начать распутывать этот узел.

– Да, точно, – он неловко кивнул, и в его взгляде мелькнуло что-то тёплое, почти смущённое.

Мы одновременно потянулись к переплетённым поводкам, и наши пальцы случайно соприкоснулись. Электрический разряд пробежал по коже, заставив обоих вздрогнуть. Я отпрянула, чувствуя, как жар приливает к лицу ещё сильнее.

И в этот момент Айрис, будто узрев неведомый только ей знак, рванула в сторону с такой силой, что поводок обжёг ладонь. Север, до этого момента сохранявший стоическое спокойствие, вдруг встрепенулся – не яростно, а с какой-то неизбежной решимостью, словно подчиняясь древнему ин-

стинкту. Он рванул следом.

Мир опрокинулся. Не было времени на крик – только внезапная потеря почвы под ногами и плотное, мягкое приземление в снежную пучину. Воздух вырвался из груди со стоном. Я лежала, уставившись в белёсое небо, чувствуя, как холод мгновенно просачивается сквозь ткань куртки. А потом – тепло чужого дыхания у самого виска.

Я замерла, боясь пошевелиться. Потом, преодолевая оцепенение, повернула голову.

Его лицо было так близко, что я могла бы сосчитать каждую ресницу. Они были тёмными, чуть влажными от тающего снега. Я разглядела мельчайшие морщинки у глаз – не от возраста, а от привычки щуриться, будто от яркого солнца или от сосредоточенной мысли. Лёгкая щетина золотилась на скулах, и я, к своему ужасу, поймала себя на желании узнать, колется ли она на ощупь. Его дыхание, ровное, но участившееся, касалось моей кожи, смешиваясь с моим собственным – сбивчивым и прерывистым

Мы лежали, связанные не только опутавшими ноги поводками, но и этим нелепым, невыносимо интимным положением. Бедро прижалось к бедру, плечо – к плечу под толщей пуховиков. Любое движение, любая попытка высвободиться лишь сильнее стягивали узлы и приближали нас друг к другу. Я чувствовала тепло его тела сквозь все слои одежды и безумно смущалась этого.

В его тёмных, всегда таких отстранённых глазах я увиде-

ла собственное отражение: глаза, широко раскрытые от шока, растрёпанные волосы, прилипшую к щеке снежинку. И ещё что-то – не панику, а то же самое ошеломлённое осознание абсурда. Он молчал, и эта тишина была громче любого крика. Она была наполнена свистом ветра, ударами сердца в ушах и жужжащим сознанием того, насколько непозволительно близко оказались наши лица.

Тишину разорвал его голос. Негромкий, приглушённый снегом, он прозвучал прямо у моего уха – и по спине пробежали мурашки.

– Как вы еще дожили..., – произнес он с медленной, почти обреченной четкостью, – до такого возраста с вашей собакой?

В его голосе не было злости. Была глубокая, бесконечная констатация факта, смешанная с таким недоумением, что у меня внутри что-то дрогнуло и рассыпалось. Истерический пузырь подкатил к горлу. Я сдержала смех, но он вырвался наружу тихим, сдавленным фырканьем, которое тут же превратилось в неконтролируемый смех. Я смеялась, чувствуя, как дрожат плечи и как слезы от смеха смешиваются с тающим снегом на ресницах.

– Не понимаю, что тут смешного? – вновь сраказ Виталий, а я продолжила смеяться, будто бы мне в рот попала смешинка.

К моему изумлению, уголок его губ дрогнул. Это была еще не улыбка, но явная трещинка в ледяной маске, которую он

так старательно носил. Он попытался пошевелиться, высвободить руку, но лишь сильнее затянул узел на моей ноге.

– Вы делаете хуже!– вскрикнула я, невольно дёрнувшись. – Так мы вообще не выберемся отсюда.

Мы замерли, тяжело дыша.

– Предлагаю перемирие, – произнесла я тише, чем собиралась. Голос звучал непривычно робко. – Иначе нас здесь найдут весной – в виде двух обледеневших статуй.

Он задержал на мне взгляд дольше обычного, потом кивнул – едва заметно, почти неохотно.

– Согласен. И что предлагаете?

Я сглотнула, пытаясь сосредоточиться.

– Выбраться отсюда, правда, без резких движений.

Мы начали двигаться медленно. Он приподнялся на локте, стараясь не засыпать меня снегом, а я попыталась высвободить руку, чтобы дотянуться до узла на его ноге. Наши пальцы в толстых перчатках неуклюже скользили по мокрому нейлону, то и дело соприкасаясь. Каждое такое прикосновение отзывалось странными мурашками где-то между лопатками.

– Позвольте, – вдруг произнёс он, и его рука в тёмной перчатке накрыла мою, мягко отодвигая в сторону. Прикосновение длилось долю секунды, но по спине пробежал явственный разряд. – Здесь нужно потянуть вот так.

Его пальцы ловко нащупали нужный узел, движения стали увереннее. Я невольно залюбовалась этой точностью – будто

он всю жизнь только и делал, что распутывал узлы в сугробах.

Мы были настолько поглощены процессом, что почти не замечали окружающего мира. Только шум собственного дыхания, хруст снега и это странное, нарастающее тепло между нами.

Где-то сбоку раздался тихий вздох. Айрис, видимо устав от суеты, улеглась рядом, положив голову мне на бок. Север сел у головы Виталия, но с видом глубокого удовлетворения – словно знал что-то, чего не знали мы.

Наконец последняя петля ослабла. Он осторожно высвободил свои ноги, потом протянул руку мне. Его ладонь, даже сквозь перчатку, оказалась твёрдой и тёплой. Я ухватилась за неё, чувствуя, как по телу пробегает волна странного, необъяснимого тепла.

Поднявшись, я принялась отряхивать снег, который успел забиться за воротник и в рукава. Когда я наконец выпрямилась, мы оказались лицом к лицу – оба взъерошенные, красные от мороза и усилий, с искрящимися от снежинок волосами. Совершенно нелепые.

И всё же... в этом было что-то до странности правильное. Тишина снова опустилась на нас, но теперь она была другой. Не неловкой, а наэлектризованной. Наполненной невысказанными словами и неосознанными желаниями.

– Спасибо, – вымолвила я наконец, чувствуя, как горят щёки – то ли от мороза, то ли от чего-то другого. .

– Взаимно, – отозвался он, и в его голосе прозвучала непривычная мягкость. Потом он посмотрел на собак, которые теперь выглядели как закадычные друзья: Айрис нежно покусывала поводок Севера, а тот лишь снисходительно поглядывал на неё. – Кажется, они подружились.

– Айрис со всеми дружит, – улыбнулась я, чувствуя, как напряжение постепенно отпускает. – Это её жизненная позиция. Всегда идти на контакт, несмотря ни на что.

Он усмехнулся – на этот раз по-настоящему, без тени сдержанности. И от этой улыбки что-то внутри меня перевернулось.

– Похоже, нам стоит взять с неё пример.

Это было сказано так тихо, так невпопад – словно признание, вырвавшееся против воли. Я даже не сразу поняла, что он это произнёс вслух. А когда осознала, странное тепло растеклось где-то в груди, будто крошечная льдинка растаяла от неожиданного прикосновения.

– Новогодние будут громкие, – сказала я, осторожно подбирая слова. – Может, стоит уйти в лес, подальше? Или в домике переждать с включённой музыкой?

Он вскинул на меня глаза – в них мелькнуло искреннее удивление. Видимо, он ожидал шутки или лёгкого подтрунивания, а не вполне разумного предложения. На секунду его лицо стало таким... обычным. Человеческим. Без этой привычной ледяной маски.

– Возможно, – наконец кивнул он. Запнулся на полуслове,

будто спохватившись, и добавил чуть торопливее: – Спасибо. За идею.

Мы замерли на миг – два силуэта на фоне заснеженного пейзажа, окружённые суестьями собаками. Где-то сбоку уже завязалась новая дружба: пара лаек с любопытством обнюхивала Айрис и Севера, а те, к моему удивлению, отвечали взаимностью.

– Мне, пожалуй, надо... – я неопределённо повела рукой в сторону Айрис, которая уже успела вовлечь в свою орбиту целую свору четвероногих поклонников. Она крутилась, подпрыгивала и явно собиралась устроить весёлую беготню.

– Да, – быстро согласился он, словно боясь, что я скажу что-то ещё. – И мне тоже.

Мы обменялись короткими кивками – уже не как чужие люди, случайно столкнувшиеся на прогулке, а как сообщники, только что пережившие маленькое приключение. Развернулись и пошли в разные стороны, подзывая своих питомцев.

– Айрис, ко мне! – окликнула я, и она, напоследок одарив Севера многозначительным взглядом, послушно бросилась следом.

Я шла, чувствуя, как мокрый снег тает на шее, а ледяные капли пробираются за шиворот. Но внутри, вопреки зимней свежести, разгорался странный, согревающий огонёк. Мысли снова и снова возвращались к тому мгновению: его лицо так близко, что можно разглядеть мельчайшие снежинки в ресницах; тихий голос..

План «никаких контактов» – был растоптан, завален снегом и опутан нейлоновыми верёвками так основательно, что восстанавливать его казалось бессмысленным.

И, что самое удивительное, мне вовсе не хотелось этого делать. По крайней мере, не сейчас.

Может, глинтвейн в кафе и правда не такая плохая идея?

И... да, признаюсь самой себе, что меня распирало любопытство. Хотелось снова увидеть, как дрогнут уголки его губ, прежде чем он успеет надеть привычную маску.

Я невольно обернулась.

Он уже был далеко – шёл к своему домику прямой, негнущейся походкой, будто боялся потерять равновесие, если хоть немного расслабится.

Но Север... Север теперь шёл чуть впереди, периодически оборачиваясь туда, где осталась Айрис.

На губах сама собой появилась улыбка. Похоже, не только мы с ним оказались втянуты в эту странную игру.

Глава 4. Виталий

Тишина после столкновения в сугробе оказалась обманчивой – она не просто звенела у меня в ушах, а пульсировала, словно собственное сердце, отбивающее сумасшедший ритм. И сквозь этот назойливый звон настойчиво пробивался её смех – смущённый, искренний, будто первый глоток воздуха после долгого ныряния в ледяную бездну.

Я сидел за столом, уставившись в экран ноутбука. Линии будущего небоскрёба «Согласие» – моего проекта, над которым я провёл бессонные ночи, – вдруг предстали передо мной до абсурда прямыми и бездушными. Они выглядели как насмешка, как молчаливое обвинение в том, что я пытался спрятаться за чертежами от всего живого и непредсказуемого.

Эти линии я вычерчивал с маниакальной точностью, будто возводил неприступную крепость. Крепость, которая должна была защитить меня от реальности: от отца в больничной палате, чья рука судорожно сжимала мою, не в силах выговорить ни слова после инсульта; от Лены, чьи глаза в аэропорту были сухими и бесконечно далёкими, словно между нами уже пролегла бездонная пропасть.

«Ты сделал выбор, Виталик, – её голос прозвучал тогда холодно и отчётливо, как удар метронома. – Не притворяйся, что это далось тебе тяжело».

Слова эхом отдавались в голове, смешиваясь с пульсирующей тишиной и её смехом, который пробивался сквозь звон в ушах, напоминая, что жизнь всё ещё бьётся где-то рядом, несмотря на все мои попытки отгородиться от неё.

Север, свернувшись калачиком на коврике, издал во сне едва уловимый скулёж – такой тонкий, будто эхо вчерашнего вихря из белой шерсти. Этот звук пронзил тишину, словно игла, и в нём читалась беззащитная нежность, от которой у меня сжалось сердце.

Он был единственным, кого я не отпустил. Не смог.

Помню ту зиму – ледяную, беспощадную, когда всё вокруг рушилось, рассыпалось в прах, будто карточный домик под порывом ветра. Именно тогда я взял его щенком. Маленький комочек тепла, дрожащий от холода и страха, но уже отчаянно цепляющийся за жизнь.

По ночам он спал у меня на груди. Его дыхание – ровное, горячее – проникало сквозь ткань рубашки, согревая не только кожу, но и что-то глубже, там, где уже почти не оставалось тепла. Каждый вдох и выдох напоминал: «Смотри, какая-то жизнь всё ещё бьётся. Бьётся в такт твоему сердцу».

В те минуты, когда тьма за окном казалась бесконечной, а мысли – удушающими, его присутствие было единственным якорем. Он не задавал вопросов, не требовал объяснений, не осуждал. Просто был рядом – живое доказательство того, что даже в самой глухой метели может найтись место для тепла.

И сейчас, слушая его сонное поскуливание, я понимал:

этот маленький комочек шерсти стал не просто питомцем. Он стал той ниточкой, которая удерживала меня на грани, не давая окончательно раствориться в холоде и пустоте.

Я откинулся на спинку стула, пытаюсь ухватить хоть за одну мысль, привести их в порядок. Закрыв глаза, сосредоточился на дыхании...

Нет.

Бесполезно.

Мысли разбежались, словно испуганные птицы, оставляя после себя лишь тревожный гул. Я резко встал, будто движение могло разорвать этот замкнутый круг, и подошёл к окну. Нужно было проветрить голову – переполненную призраками прошлого, шёпотом невысказанных слов и образами, которые упорно не желали растворяться.

За стеклом царило безмолвное волшебство: снег падал густо, неспешно, словно время здесь замедлило свой бег. Он мягко укрывал землю, засыпая следы нашего вчерашнего падения.

И тогда я увидел её.

Ангелина была у себя во дворе. Но она была не одна.

Рядом с её самоедом, который носился кругами, взметая снежные брызги, стоял... ретривер. Золотистый, улыбочивый, с этими характерными глуповато-добрыми глазами, которые, кажется, излучали чистое, незамутнённое счастье. А рядом – его хозяин. Мужчина примерно моего возраста, в яркой синей куртке, с дурацким лицом и такой выразитель-

ной жестикуляцией, что её можно было разглядеть даже с тридцати метров.

Он что-то говорил, показывая на телефон. Ангелина наклонилась, и её рыжие волосы, словно огненная волна, выскользнули из-под шапки. Она улыбнулась.

Не смущённой, робкой улыбкой, что мелькнула в сугробе, когда наши взгляды случайно встретились. А широкой, непринужденной, что дарится легко, без задней мысли, без оглядки на прошлое. Улыбкой, в которой не было ни тени напряжения, ни намёка на неловкость.

Я замер, чувствуя, как внутри что-то сжалось. Это было не ревность – скорее странное, щемящее ощущение, будто я увидел что-то очень настоящее, очень живое, но при этом совершенно недоступное для меня.

Что-то, что существовало в параллельной реальности, куда мне не было хода.

Снег продолжал падать, укрывая мир белой пеленой, а я стоял у окна, пытаюсь понять, почему эта простая сцена – женщина, смеющаяся в заснеженном дворе, мужчина с собакой, беззаботный разговор – вдруг заставила моё сердце сжаться так сильно.

Я стоял у окна, и прошлое нахлынуло волной, выдергивая меня из настоящего. Вот так же когда-то, в школьной юности, я замерял шагами танцпол на дискотеках – выверял каждый шаг к девушке по сложному, вымученному алгоритму. Продумывал фразы, репетировал улыбку, рассчитывал

угол подхода... И всё равно каждый раз терпел крах. А рядом другие парни просто подходили, шутили, смеялись – и девушки улыбались им в ответ, будто это было так же естественно, как дышать.

Так же, как сейчас, я наблюдал со стороны за коллегами на корпоративах: они легко завязывали беседы, перебрасывались шутками, создавали вокруг себя вихрь общения. А мои реплики неизменно звучали как сухое зачитывание технического задания – чётко, по делу, без тени лёгкости. Я видел, как люди морщились, как взгляды скользили мимо, и понимал: опять не то.

Сейчас картина за окном словно зеркалила те давние неудачи. Мужчина оживлённо что-то объяснял, размахивая руками с той непринуждённой экспрессией, которой мне всегда недоставало. Его ретривер, будто вторя хозяину, вилял хвостом так энергично, что сметал снежные брызги с крыльца соседнего домика.

Айрис, прервав свои бешеные круги, подбежала знакомиться. Началась привычная собачья церемония: истеричный лай, осторожные обнюхивания, кружения вокруг друг друга – полная идиллия живого, спонтанного общения.

Ангелина что-то сказала – и мужчина засмеялся, запрокинув голову. Я не слышал звука, но по тому, как дрожало его плечо, по лёгкой сутулости тела, отдавшегося смеху, всё было предельно ясно.

«Совсем недавно она лежала со мной в снегу, опутанная

поводками, а теперь...» – мысль оборвалась, оставив во рту горький привкус незавершённости. В этом «а теперь» уместалось слишком многое: и её непринуждённая улыбка, и лёгкость чужого жеста, и та естественность, с которой она сейчас существовала в этом мире – мире, куда мне, похоже, не было входа.

Мысль оборвалась сама собой – резкая, нелепая, раздражённая. «Что значит „со мной“?»

Я мысленно усмехнулся. Да, именно так. Мы были всего лишь случайными сообщниками по несчастью. Не более. Её жизнь, её улыбки, её смех – всё это существовало в параллельной вселенной, к которой я не имел никакого отношения.

Это правило я усвоил давно, выстрадал, как горькое лекарство: если не предъявляешь прав, не испытываешь и боли. Чёткие границы, жёсткие рамки – вот что спасало. Работа. Отец. Север. Три точки опоры, три незыблемых столпа моего мира. Всё остальное – неконтролируемые переменные, хаотичные всплески эмоций, от которых лучше держаться подальше.

Как и история с Леной.

Я до сих пор анализировал её, словно неудачный проект. Холодный, беспристрастный разбор: ошибка в изначальных условиях. Я не мог оставить отца – он нуждался во мне, как в опоре, как в последнем якорю. Она не могла отказаться от карьеры – её амбиции горели ярче любых чувств. Логичное

завершение. Идеальный расчёт.

Но почему-то в тишине, особенно перед сном, когда мир затихал и оставались только я и мои мысли, я прокручивал не логику, не сухие факты, а её улыбку. Тёплую, чуть насмешливую, с искоркой в глазах. Улыбку, которую уже не мог вернуть, не мог коснуться, не мог вдохнуть её аромат, как когда-то.

И этот провал, эта щемящая пустота где-то в районе солнечного сплетения, была моей платой за «правильность» выбора. Платой за то, что когда-то решил: лучше холодная ясность, чем обжигающая неопределённость. Лучше пустота, чем риск потерять всё.

Север, проснувшись, подошёл ко мне и упёрся мордой в стекло – прямо рядом с моей рукой. Из его груди вырвался низкий, заинтересованный гул, будто он пытался разобрать, что там, за стеклом, так сильно приковывает его внимание. Его взгляд был намертво прикован к Айрис – она всё ещё резвилась во дворе, то кружась на месте, то бросаясь в снежные заносы.

– Что, тоже завидуешь им? – проворчал я.

Голос прозвучал неожиданно резко, чужим – голосом моего отца, каким он был до болезни: сухим, безапелляционным, не терпящим возражений. Я вздрогнул от этого звука, словно услышал призрака.

– Забыл уже, как это «облако» чуть не оторвало нам конечности? – добавил я, и в интонации проскользнула та са-

мая отцовская жёсткость, которую я столько лет старался из себя вытравить.

Север лишь вильнул хвостом, не отводя глаз от Айрис. Его взгляд... был заинтересованным. Предатель. Он не мучился сомнениями, не взвешивал риски, не выстраивал логические цепочки. Он видел друга – и тянулся к нему с безоглядной, обезоруживающей искренностью.

Я резко дёрнул шнур, опуская плотную рулонную штору. Стекло мгновенно скрылось за плотной тканью, отрезав нас от двора, от снега, от Айрис и её беззаботной игры. Комната погрузилась в полумрак, нарушаемый лишь холодным, мертвенным сиянием экрана ноутбука.

– Нечего глазеть, – бросил я, уже мягче, почти про себя. – Мне нужно работать. А потом, вечером, выйдем и погуляем хорошенько. Идёт?

Север тихо фыркнул, будто соглашаясь, но я знал: его мысли всё ещё там, за окном. И в этом – вся разница между нами. Он живёт сердцем. Я – расчётами.

Но график был безнадёжно сорван.

Я пытался вернуться к расчётам – методично, упрямо, как человек, цепляющийся за спасательный круг в бушующем море. Но перед глазами, словно назойливый слайд-проектор, вспыхивала одна и та же картинка: её смеющееся лицо, обращённое к незнакомцу в синей куртке. Его открытое, незакомплексованное лицо – такое, где каждая эмоция читается без усилий, без маски, без намёка на внутреннюю борьбу.

Такие, как он, всегда вызывали у меня глухое, тягучее раздражение. Они жили, будто на другом плане бытия – не вычисляя последствия каждого шага, не выстраивая вокруг себя невидимые, но прочные фортификации из графиков, сроков и «если-то». Они могли позволить себе спонтанность. Могли просто быть – без оглядки, без анализа, без страха совершить ошибку.

А я... Я даже эту поездку планировал три месяца. Скупулёзно сверялся с графиком врачей отца, с рабочим календарём, с прогнозом погоды, с возможными форс-мажорами. Каждое «если» требовало своего «тогда», каждый шаг – обоснования. «Спонтанность» для меня давно превратилась в синоним «угрозы». В потенциальную лавину, которая может снести всё, что я с таким трудом удерживаю на плаву.

Это бесило. Бесило иррационально, яростно, до скрежета в зубах. Я понимал, что не имею на это никакого права – не имею права злиться на чужую лёгкость, на чужую свободу, на чужой смех. Но понимание лишь подливало масла в огонь, превращая раздражение в едкую, разъедающую горечь.

Потому что в глубине души я знал: дело не в нём. Дело во мне. В том, что где-то внутри, под слоями контроля и рациональности, тлеет зависть – тихая, стыдная, непризнанная. Зависть к тому, чего я сам себе запретил.

Я натягивал поводок, чувствуя, как Север нетерпеливо переминается у двери. Его энергия пульсировала в воздухе,

будто электрический разряд – он буквально излучал нетерпение, дрожа всем телом и кося взглядом на порог.

«Просто быстрая прогулка по периметру, – мысленно очертил я границы дозволенного».

Но у Севера, судя по всему, имелся собственный маршрут.

Едва мы переступили калитку, он – обычно равнодушный к собратьям по четвероногому братству – демонстративно проигнорировал приветственное виляние хвостом колли из пятого домика. Вместо этого пёс решительно потянул меня в сторону центральной аллеи, ведущей к главному корпусу... и, конечно же, к кафе.

– Север, не туда, – буркнул я, натягивая поводок.

Но пёс оставался неумолим. Он шёл с поразительной целеустремлённостью, словно миссионер, несущий важнейшее послание. Уши настороженно торчали вперёд, хвост был поднят – но не вилял в игривом порыве, а держался твёрдо, как флаг на мачте.

Это не было спонтанным капризом – это был какой-то собачий план. Ну или мне так показалось.

Мне, с моими длинными ногами, приходилось почти бежать следом, подстраиваясь под его решительный шаг. Внутри закипало раздражение:

«Что за блажь? С каких пор он такой инициативный?»

Ветер играл с воротником куртки, а я всё ещё пытался удержать контроль над ситуацией, которая явно выходила

из-под него.

Север не замедлялся, не оглядывался – он знал, куда идёт.

– Ладно, ладно, – наконец проворчал я, сдаваясь. – Только давай полегче, ладно?

Пёс едва заметно дёрнул ухом, будто принимая мои условия – но я уже понимал: это лишь иллюзия компромисса.

Именно в тот момент, когда мы поравнялись с остеклённой верандой кафе, из двери вышла Ангелина. Айрис крутилась у её ног, поводок свободно болтался, словно подчёркивая эту непривычную для меня лёгкость, беспечность момента.

Они были метрах в пятнадцать, спиной к нам, и, судя по всему, собирались направиться к домикам. Я остановился как вкопанный, будто натолкнулся на невидимую стену. Север тут же сел у моей ноги, приняв ту самую выжидательную позу, которую я знал наизусть: уши насторожены, взгляд прикован к белому пятну Айрис.

Внутри что-то ёкнуло – не больно, но ощутимо, как лёгкий удар током. «Вот она», – подумал я с горькой, почти издевательской иронией. «Отличная возможность поздороваться. Сказать „как дела?“». Нормальные люди так и делают».

А я... Я ведь приехал сюда отдохнуть, а не погружаться в аскетичное затворничество. Если сейчас развернусь и уйду, то окончательно превращусь в того самого замшелого мизантропа, каким стал после... всего.

Может, стоит сделать шаг? Хотя бы маленький. Не ради неё – ради себя. Ради практики социальных навыков, если уж не ради чего-то большего. Ради того, чтобы доказать себе: я ещё могу. Могу подойти. Могу заговорить. Могу быть... обычным.

Я набрал в грудь воздуха, готовясь окликнуть её. И в этот миг дверь кафе снова распахнулась.

Вышел он.

Мужчина в синей куртке, что утром околачивался у её домика. В руках он держал два картонных стаканчика, от которых поднимался лёгкий пар, а рядом степенно вышагивал его ретривер – спокойный, уверенный, будто знал, что всё идёт по плану.

Время будто замедлилось. Я почувствовал, как воздух становится гуще, а мысль, только что казавшаяся такой разумной, рассыпается на осколки.

Я видел всё – до мельчайших, режущих деталей.

Как он, улыбаясь, протягивает один стаканчик Ангелине. Как она, с той же лёгкой, непринуждённой улыбкой, берёт его. Как их пальцы почти соприкасаются – мимолётно, почти случайно, но достаточно, чтобы внутри у меня что-то оборвалось. Как он что-то говорит, и она кивает, отводя взгляд на Айрис, но улыбка не сходит с её лица – та самая, которую я уже видел сегодня, и которая теперь принадлежала не мне.

Всё.

Мой робкий, только что зародившийся порыв – рассыпал-

ся в прах. Его сменило что-то острое, колючее, знакомое до тошноты. Не просто досада. Не раздражение. Это была ревность. Глупая, бесправная, ядовитая. Она вспыхнула в груди, как сухой спирт, обжигая изнутри, разъедая то хрупкое равновесие, которое я с таким трудом выстраивал.

Я не владел этой женщиной. Я едва был с ней знаком. Мы обменялись парой фраз, упали в сугроб – и всё. Но вид этого дурацкого стаканчика в его руке, этой простой, бытовой сцены «я принёс тебе кофе», казался мне личным оскорблением. Таким же, как когда-то смех Лены в трубке, когда она рассказывала про «креативного итальянца». Тогда я тоже молчал. Душил в себе всё – сомнения, вопросы, боль – пока не стало поздно. Пока не осталось только эхо того, что могло быть.

– Чёрт, – выдохнул я шёпотом, сжимая и разжимая пальцы, будто пытаюсь стряхнуть с них это ощущение бессилия.

И в этот момент Север, словно дождавшись немого сигнала, рванул с места. Поводок, который я держал в ослабевшей от напряжения руке, выскользнул, будто живой, устремившись вслед за псом.

– Север! К ноге! – мой голос прозвучал резко, почти грубо, но уже поздно.

Он нёсся к Айрис – грациозный, стремительный, полный той самой беззаботной энергии, которой мне так не хватало.

Адреналин ударил в голову – резкий, обжигающий, будто впрыснутый прямо в кровь. Я бросился за Севером, про-

клиная всё на свете: свою вечную неловкость, эту нелепую ситуацию, этого парня в синей куртке – и особенно собаку, которая вдруг решила разыграть сцену из мыльной оперы, будто ревнивый любовник.

Ангелина услышала топот и обернулась. Увидев сначала Севера, а потом и меня, она на миг замерла – на её лице проступило чистое, незамутнённое удивление. Но уже через секунду его сменила краска смущения. Она выглядела... пойманной. словно её застали за чем-то, чего она не должна была делать.

Север, подбежав, ткнулся носом в шею Айрис. Та ответила радостным визгом – и вот уже началась их привычная ритуальная возня: кружения, лёгкие покусывания, игривые прыжки. И тут к ним, весело виляя хвостом, подошёл ретривер – добродушный, открытый, явно жаждущий присоединиться к веселью.

И случилось нечто.

Север, ещё секунду назад нежно обнюхивавший Айрис, резко развернулся и встал между ней и золотистым псом. Вся его поза мгновенно изменилась: спина выгнулась, холка встала дыбом, губы приподнялись, обнажив белые клыки. Из груди вырвалось низкое, предупреждающее рычание – не истеричное, не паническое, а холодное.

Это было не проявление слабости. Это было заявление: «Дальше – ни шагу».

Ретривер отпрянул, озадаченно наклонив голову, будто

пытаясь понять, что пошло не так. Айрис испуганно прижалась к ногам Ангелины, её игривое настроение испарилось в одно мгновение.

Я, наконец, добежал и судорожно ухватился за волочившийся поводок. Пальцы дрожали, дыхание сбилось, а в груди бушевала смесь ярости и паники.

– Север! – мой голос прозвучал резче, чем я хотел. – Что ты себе позволяешь?!

Пёс на секунду отвёл на меня взгляд. В его голубых глазах читалось что-то неуловимое – не вина, не страх, а скорее тихое, упрямое «ты ничего не понимаешь». Но от Айрис он не отошёл. Продолжал стоять, напряжённый, настороженный, блокируя ретривера, будто охранял нечто драгоценное.

Время застыло.

Я чувствовал, как горят щёки, как пульсирует кровь в висках. Вокруг нас – Ангелина, её смущение, этот чертов мужчинка в синей куртке с кофейными стаканчиками, растерянный ретривер – всё это слилось в один размытый фон. А в центре – мой пёс, который вдруг стал воплощением моих невысказанных чувств: ревности, неуверенности, страха потерять то, что даже не было моим.

Я резко дёрнул поводок, заставив Севера сделать шаг назад. Пёс огрызнулся – не кусаясь, а так, коротким, сердитым «рррав!», которого я от него прежде никогда не слышал. Это был собачий бунт. Открытый, бескомпромиссный.

– Виталий, всё в порядке? – раздался голос Ангелины.

Она стояла чуть в стороне, сжимая в руках поводок Айрис. В её глазах – растерянность, лёгкая тревога и что-то ещё, неуловимое, будто она пыталась понять, как оказалась в центре этой нелепой сцены.

– Всё под контролем, – процедил я сквозь зубы, натягивая поводок с такой силой, что ошейник впился псу в шею.

Север сдался, позволил оттащить себя, но всё его тело оставалось напряжённой пружиной. Айрис жалобно запищала, сделала шаг вперёд, но не решилась подойти ближе.

Мужчина в синей куртке молча наблюдал за происходящим. Его бровь была приподнята – не насмешливо, скорее с любопытством. Я чувствовал его взгляд на себе, как ожог, и от этого становилось ещё нелепее.

– Простите, – бросил я Ангелине, намеренно не глядя на её спутника. – Кажется, Север ревнует Айрис.

– И правда, похоже... – она запнулась, её взгляд метнулся от меня к мужчине и обратно. – А мы тут кофе пьем... не хотите присоединиться?

– Да, я вижу, – сказал я, и фраза прозвучала невыносимо сухо, колко, совершенно не так, как мне хотелось.

Пауза повисла между нами – тяжёлая, неловкая, наполненная невысказанными смыслами. Я понимал, что нужно что-то добавить, сгладить, но слова будто застряли в горле.

– Ну... не буду мешать, – наконец выдавил я. – Идём, Север.

Я круто развернулся и потащил за собой пса. Он шёл, по-

стоянно оглядываясь на Айрис, всем видом выражая протест: уши прижаты, хвост опущен, но взгляд – упрямый, непокорный.

Мы прошли метров двадцать, скрывшись за углом корпуса. Только тогда я остановился, прислонился лбом к холодной деревянной стене и выдохнул, чувствуя, как дрожат руки. Сердце колотилось где-то в горле, а в голове крутилась одна и та же мысль:

«Что это было? Почему я так отреагировал?»

Опустившись на корточки перед Севером, я посмотрел ему прямо в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.